

FLEMMING ROSE

**TAVSHEDENS  
TYRANNI**

Jyllands-Postens Forlag

УДК 94  
ББК 6.3.3(0)6  
P74

**Флемминг Р.**

P74 Дело о «карикатурах на пророка Мухаммеда» / Пер. с датского. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 512 с. — (Цивилизация)

ISBN 978-5-9775-0754-7

Флемминг Росе, редактор датской газеты «Юлландс-постен», не мог представить масштабы будущего мирового кризиса, когда в сентябре 2005 года дал разрешение на публикацию «карикатур на пророка Мухаммеда». В этой книге автор рассказывает историю появления карикатур, описывает последовавшую за публикацией реакцию мусульманского мира: демонстрации, бойкот датских товаров, штурм посольства Дании в Джакарте и Бейруте, покушения на жизнь художников; размышляет, что такое свобода слова и самоцензура в современном мультикультурном мире.

*Для широкого круга читателей*

УДК 94  
ББК 6.3(0)6

Перевод с датского А. Агаркова

Подписано в печать 27.04.12  
Формат 84 × 108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88.  
Тираж 2000 экз. Заказ №  
"БХВ-Петербург", 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Отпечатано с готовых диапозитивов  
в Первой Академической типографии «Наука»  
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

ISBN 978-87-769-2-149-1 (датск.)  
ISBN 978-5-9775-0754-7 (рус.)

© 2010, Flemming Rose by agreement with JP/Politikens  
Forlagshus A/S & OKNO Literary Agency  
© Перевод на русский язык «БХВ-Петербург», 2012

# ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Предисловие к русскому изданию .....</b>	<b>7</b>
Радость ожидания .....	7
<b>Оглядываясь назад.....</b>	<b>15</b>
<b>Массовые убийства и сатира .....</b>	<b>41</b>
<b>Из Москвы к Мухаммеду.....</b>	<b>53</b>
<b>Отвратительная способность человека приспособливаться .....</b>	<b>127</b>
<b>Дорога к Богу .....</b>	<b>164</b>
<b>Последствия I.....</b>	<b>177</b>
<b>Последствия II.....</b>	<b>225</b>
<b>Из России с любовью .....</b>	<b>295</b>
<b>Преступление без жертвы.....</b>	<b>376</b>
Абдул Карим Набиль Сулейман.....	416
Юрий Самодуров.....	420
Макбул Фида Хусейн .....	432
Сайед Первез Камбакш .....	437
Юнус Шейх .....	441
<b>Источники.....</b>	<b>461</b>
<b>Предметный указатель.....</b>	<b>489</b>

# ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

## РАДОСТЬ ОЖИДАНИЯ

Я жду реакции российских читателей на «Дело о „карикатурах на пророка Мухаммеда“»<sup>1</sup> с радостью, но и с некоторой тревогой. Ведь эта книга в значительной степени основана на моем личном опыте изучения борьбы за права человека и механизмов угнетения в СССР и новой России. Безусловно, я очень рад, что могу поделиться размышлениями с русскоязычным читателем, которому как никому другому может быть понятен мой взгляд на цензуру и самоцензуру, на сущность свободы и толерантности. Тревожит меня лишь одно: знает ли этот читатель описанную действительность и согласится ли с моими выводами?

Россия занимает важное место в моей жизни. Впервые я встретился с этой огромной восточной страной летом 1980 года, во время московских Олимпийских игр, где был гидом делегации датских коммунистов. Тогда же мне посчастливилось по-

---

<sup>1</sup> В оригинале книга называется «Тирания молчания» («Tavshedens tyranni»).

знакомиться с русской женщиной, на которой я женат уже больше тридцати лет. Почти сразу же после туристской поездки я вернулся в Москву и в 1980–1981 годах изучал русский язык в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина, расположенном на юго-западе Москвы. Этот год изменил мое отношение ко многим вещам — отчасти потому, что я влюбился и женился, получив редкую возможность пожить в общей квартире (так называемой коммуналке) на Арбате, в историческом районе российской столицы, но главным образом из-за близкого знакомства с диктатурой. Правда, чтобы «переварить» столь сильное впечатление, мне потребовалось некоторое время, но в конце концов я стал антикоммунистом.

В 1982 году я вернулся в Данию и устроился переводчиком русского языка в Датскую организацию помощи беженцам, где помогал советским эмигрантам проходить интеграционную программу датского правительства. Это был полезный опыт, в том числе позволивший мне познакомиться с европейскими диссидентскими кругами. Я стал регулярно читать зарубежные русские газеты и журналы, такие как «Русская мысль», «Континент», «Страна и мир», «Синтаксис», «Грани» и «Время и мы», а также литературу, выпускаемую эмигрантскими издательствами на Западе. Параллельно я продолжал изучать русский язык, уделяя основное внимание русской литературе, семиотике и языкознанию.

Когда в 1985 году генеральным секретарем ЦК КПСС стал Михаил Горбачев, который начал перестройку и объявил гласность, интерес мира к ситуации за железным занавесом резко возрос. Я переводил на датский русские книги, такие как «Печальный детектив» Виктора Астафьева, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, рассказы Евгения Попова и Булата Окуджавы, а также первые воспоминания Бориса Ельцина. На волне социально-политических потрясений в горбачевском Советском Союзе крупные датские газеты решили направить в Москву своих корреспондентов. Мне удалось оказаться в числе тех, кому это было поручено, хотя я и не был дипломированным журналистом. С 1990 по 1996 год я работал московским корреспондентом газеты «Берлинске Тидене», затем, проведя три года в Вашингтоне,

в 1999 году вернулся в российскую столицу уже в качестве сотрудника «Моргенависен Юлландс-Постен». В следующий раз я оказался в России в 2004 году, а потом вернулся в Данию, став редактором отдела культуры «Юлландс-Постен». Это был краткий обзор внешней стороны моих отношений с Россией.

Но в моем «советском» и «российском» прошлом были и другие события, повлиявшие на мое понимание карикатурного скандала, который в начале 2006 года приобрел глобальный размах и превратился в дискуссию о соотношении свободы слова и уважения к религиозным чувствам других. Отправной точкой послужили самоцензура и страх в культурной среде Западной Европы, возникавшие всякий раз, когда речь заходила об исламе, — нечто подобное я уже видел в СССР, хотя до определенного момента не связывал эти явления. После публикации рисунков самые разные круги общества стали требовать ввода уголовной ответственности за богохульные высказывания и изображения. Все это было мне уже знакомо и напоминало борьбу советской власти с инакомыслящими. Для руководства КПСС произведения Александра Солженицына были богохульством, как для правительств исламских стран — «карикатуры на пророка Мухаммеда», опубликованные «Юлландс-Постен». Такой вывод можно сделать, например, из протоколов совещаний Политбюро, где принимались решения в отношении Солженицына, которого называли не иначе как еретиком, оскорбившим святых советских граждан. Статьи 70 и 190 п. 1 Уголовного кодекса СССР очень похожи на законы о богохульстве, по которым в эпоху Реформации еретиков сжигали на кострах.

С этой точки зрения заметна прямая связь между преследованием инакомыслящих в СССР и двумя судебными процессами против директора музея имени Сахарова Юрия Самодурова и его коллег, проходившими в Москве в 2005 и 2010 годах. Один из них подробно описан в последней главе этой книги и свидетельствует о том, насколько важно настаивать на различии между словом и делом, между оскорбительными словами и физическим насилием или разрушением. В 2003 году Музей имени Андрея Сахарова организовал выставку, ряд экспонатов которой многие верующие сочли оскорбляющими их религиозные

чувства. Группа христиан разгромила выставку, однако они избежали ответственности, поскольку их действия были признаны естественной реакцией на нанесенное им оскорбление, в то время как Самодурова и его коллег осудили за подстрекательство к религиозной ненависти.

Этот судебный процесс наглядно показал, что, не видя различия между словом и делом, общество не может отличить преступника от его жертвы. Именно поэтому Самодурова и его коллег превратили из жертв в преступников, в то время как преступники перешли в категорию жертв. В либерально-демократическом обществе должно существовать четкое различие между словом и делом — в противоположность странам с авторитарными режимами, где органы власти подвергают людей уголовному преследованию не только за дела, но и за слова. В этом и заключается основная мысль «Дела о „карикатурах на пророка Мухаммеда“».

# ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД...

Сомнение — состояние неприятное,  
но уверенность — просто смехотворное.

*Вольтер*

2009 год, воскресное утро. Я принимаю душ в своем номере в одном из отелей Лиона и слушаю, как дождь стучит в окно, за которым в конце узенькой улицы виднеется городская река. Через час в лионской мэрии французская газета «Либерасьон» собирается провести конференцию по существующим в Европе угрозам свободе слова. Я участвую в этой конференции. Последние годы меня часто видят на подобных мероприятиях. Вчера я был в Париже, а в начале недели — на конференции в Берлине, где оказался в центре жаркого спора по поводу присутствия ислама и его последователей в европейских средствах массовой информации. Едва я начал выступление, как одна из слушательниц встала и направилась ко мне, зло вопрошая, с какой стати я учу демократии ее и других мусульман, находящихся в зале. Раздраженно ткнув пальцем в сторону организаторов мероприятия, она спросила, как только им пришло в голову пригласить меня, и, не дожидаясь ответа, покинула помещение.



В Америке меня встречали акциями протеста студенты высших учебных заведений, недовольные тем, что мне было предоставлено слово. В Иерусалиме перед входом в университет, где я должен был выступить с докладом, прошла демонстрация, организаторы которой требовали исключить меня из списка докладчиков. После того как весной 2009 года я высказал свое мнение на конференции ЮНЕСКО в Дохе, где обсуждались границы дозволенного в отношении реализации права на свободу слова, негодующие жители Катара завалили письмами электронную почту местных органов власти. Министерство внутренних дел организовало «горячую линию» для звонков граждан, возмущенных тем, что эмир пустил меня в страну. Местная пресса называла меня не иначе как датским дьяволом.

Весной 2006 года студенческое общество «Оксфорд Юнион» пригласило меня принять участие в дискуссии о противоречии между правом человека на свободу слова и необходимостью уважать религиозные чувства других людей. С момента своего основания в 1823 году общество «Оксфорд Юнион» было известно как форум, на котором могли обсуждаться любые актуальные и вызывавшие серьезные разногласия темы, такие как война, или проблемы расизма и нетерпимости к другим религиям, или ближневосточный конфликт, или другие взрывоопасные вопросы. Премьер-министр от партии консерваторов Гарольд Макмиллан даже назвал богатый традициями «Оксфорд Юнион» последним бастионом свободы слова в западном мире. Должен сказать, что противоположность точек зрения воспринимается там как нечто само собой разумеющееся. Тем не менее, по сообщениям местной прессы, мой визит стал крупнейшей спецоперацией за несколько лет с тех пор, как Оксфордский университет посетил «король поп-музыки» Майкл Джексон. В аэропорту меня встретил начальник службы безопасности и тайно препроводил в отель, где я зарегистрировался под чужим именем. Еще до начала дискуссии окрестности Оксфорда оцепила полиция, а всем участникам данного мероприятия, чтобы попасть в зал, пришлось пройти через металлодетектор.

Когда несколько лет назад в Москве должен был состояться конгресс Всемирной газетной ассоциации, российские власти пытались вежливо, но настойчиво рекомендовать мне держаться от нее подальше. Исламские лидеры в России были против моего присутствия, но Кремль не мог сказать мне об этом прямо, опасаясь международного скандала, который мог быть вызван запретом на въезд в страну для одного из участников конференции по свободе печати. Только позже я понял смысл сигналов, исходящих от российских властей, а тогда, ничего не подозревая, отправился в Москву. С тех пор я не могу получить визу, несмотря на то что благодаря моей жене, родившейся в России, приобрел в российской столице много близких родственников и хороших друзей и в общей сложности прожил там двенадцать лет. Такого со мной не бывало даже при коммунизме, хоть меня и называли антикоммунистом за общение с диссидентами.

Подобных эпизодов у меня наберется немало, но вряд ли стоит приводить здесь их все. Принимая тем осенним утром душ, я обдумывал аргументы для предстоящей дискуссии, а заодно и сложившуюся ситуацию. Я прослыл опасной персонай — многие ненавидят меня, а кто-то даже мечтает убить! Я тщетно пытался объяснить себе очевидный парадокс: ведь я не ищущу любой возможности раздуть конфликт только из желания поспорить и совсем не радуюсь, задев кого-то словом или поступком, но при этом меня называют возмутителем спокойствия и безответственным провокатором. Как это могло случиться?

Я всегда любил обсуждения, предпочитая те, в которых позиции участников совпадали. В годы становления собственных взглядов меня беспокоило, что кому-то могут не понравиться мои мысли и слова. Я избегал конфликтов и, по словам одного моего знакомого, «стремился угодить» собеседнику.

Со временем все изменилось. Я повзрослел, женился, завел детей и стал гораздо меньше бояться, что никто не разделит мои убеждения. Социально-политические темы привлекли меня в 1980-е годы, когда я оказался в Советском Союзе. До этого я считал политику скучнейшим делом, занимаясь в основном

языкознанием, семиотикой и экзистенциальными вопросами, стимулировавшими мой разум. Круг моих интересов был совершенно далек от политики. Однако в СССР я узнал правду жизни. Я понял, что свобода не является чем-то само собой разумеющимся и что кому-то приходится дорого платить за возможность выразить свое мнение; что общество может быть пронизано страхом, когда по улице ходят лишь с оглядкой, а многие живут так и дома. Я понял, что цензура все же существует, хотя в ней и нет особой необходимости, поскольку вокруг установилась «тирания молчания». Таким образом, политика приобрела для меня экзистенциальный смысл, чего раньше я не мог даже вообразить. Слова внезапно стали что-то значить, слова могли иметь последствия. Они могли быть опасными.

Обо всем этом я, конечно, не вспомнил в сентябре 2005 года, когда на меня буквально обрушилась ответственность за журналистский проект, известный как «карикатуры на пророка Мухаммеда», «дело о рисунках» или «карикатурный скандал», как окрестила его мировая общественность. Тем не менее жизненный опыт, опираясь на который я исследую и объясняю себе различные явления, помог мне сформировать отношение к делу о «карикатурах на пророка Мухаммеда».

Как правило, в спорных ситуациях я придерживаюсь твердой позиции, но все же по некоторым вопросам у меня нет однозначного мнения. Я слишком часто сомневаюсь. А если долго размышляю о какой-нибудь проблеме, пытаюсь рассмотреть ее с разных сторон, то и вовсе теряюсь. Видимо, современному человеку без этого нельзя, и в сомнении, которое является отправной точкой любого исследования, приводящего к новому пониманию действительности, кроется сила светского демократического общества. Сомнение порождает любопытство, заставляет задумываться о важных вещах, но может и вызывать недовольство, поскольку заключает в себе представление о чем-то неполном, неясном и несовершенном.

Вместе с тем история западной цивилизации доказала, что сомнение — неисчерпаемый ресурс, основанный на самосознании человека и неразрывно связанный с решением важнейших проблем бытия, так как благодаря ему оспариваются и опровер-

гаются догмы. Этот процесс может пугать, причинять боль, приводить к конфликтам. Однако, с точки зрения европейца, сомнение не является поводом для беспокойства. Бывший министр иностранных дел Дании Пер Стиг Меллер однажды заметил, что сомнение свойственно даже демократическим институтам. Но они и сильны тем, что, в отличие от диктатуры и тоталитарной идеологии, основаны на принципе, согласно которому никто не может обладать монополией на правду. В данном случае речь идет о разделении власти, секуляризации, политическом плюрализме, свободе слова, свободе вероисповедания и свободном выборе предмета и способа его изучения. Сомнение — источник положительного заряда всех этих принципов.

Разумеется, у всякого сомнения должны быть границы. Иначе в какой-то момент человек начнет сомневаться по любому поводу, перестанет разделять добро и зло, полагая, что истины не существует, и в конце концов не сможет отличать правильное от неправильного. И тогда сомнение становится угрозой для демократии, поскольку человек уже не видит принципиальной разницы между заключенным концлагеря и режимом, который его туда отправил, между преступником и его жертвой, между тем, кто защищает свободу, и тем, кто борется с ее проявлениями.

Так почему же публикация «карикатур на пророка Мухаммеда» стала настолько значительным событием, что даже спустя пять лет вызывает интерес в Дании и во всем мире? Как и многим другим неоднозначным событиям, этому сложно найти определенное объяснение. Британский историк и журналист Тимоти Гартон-Эш в одном из своих эссе, посвященных двадцатилетию падения Берлинской стены, отметил, что мнения разных людей об этом событии напрямую зависят от страны их проживания, политической ориентации и сферы деятельности. Так, немец из Западной Германии, придерживающийся левых взглядов, скорее всего скажет, что к сносу стены привела восточная политика Вилли Брандта в 1970-х годах. Поляк подчеркнет заслуги родившегося в Польше папы римского, Леха Вален-

сы и независимого профсоюза «Солидарность». Американец-республиканец заявит, что политическое равновесие в Европе того времени нарушилось благодаря деятельности президента Рональда Рейгана. Российские эксперты укажут на ведущую роль Михаила Горбачева в этом процессе. Кто-то еще, принизив роль государственных руководителей, станет превозносить деятельность народных масс или диссидентов на Востоке. Представители Аль-Каиды и прочие исламисты по сей день уверены, что развал мировой социалистической системы спровоцировала именно их борьба против Советского Союза, завершившаяся его поражением в Афганистане. На самом деле свою роль здесь сыграли все указанные факторы, а также многие другие, в том числе резкое падение цен на нефть в середине 1980-х.

Такое же многообразие причин имеет место и в случае карикатурного скандала. Одни считают, что главную ответственность за беспорядки несет газета «Моргенависен Юлландс-Постен», другие указывают на датских имамов, которые во время скандала разъезжали по Ближнему Востоку с провокационными материалами и тем самым способствовали росту антидатских настроений. Есть даже мнение, что во всем виноват премьер-министр Дании Андерс Фог Расмуссен, который в 2005 году отказался обсуждать публикацию рисунков с послами мусульманских стран и не стал дистанцироваться от «Юлландс-Постен». Кто-то полагает, что в эскалации глобального конфликта главную роль сыграла международная Организация Исламская конференция (ОИК)<sup>1</sup>, которая, стремясь навязать ООН свое особое восприятие прав человека, с 2003 года требовала ввести юридическую ответственность за критику ислама — так называемую исламофобию. Также раздаются голоса, обвиняющие ряд стран (Египет, Саудовскую Аравию и Пакистан) в намерении с помощью рисунков отвлечь внимание от своих внутренних политических проблем. В то же время некоторые наблюдатели усматривают в конфликте проявление глобального противостояния между исламским и западным миром, которое

---

<sup>1</sup> С 2011 года называется Организацией Исламского сотрудничества (ОИС). — *Примеч. ред.*

Усама бен Ладен и его сторонники умело использовали для вовлечения собратьев по вере в «священную войну». В конце концов многие считают, что главной причиной недостаточного понимания религиозных чувств мусульман стал нравственный климат западного светского общества, в частности неуважительное отношение датчан к Богу.

Те, кто следил за развитием событий, также задавались вопросом о том, полезен или явно вреден карикатурный скандал для дискуссии о самоцензуре на критические высказывания об исламе. Общественность пыталась осознать, можно ли было избежать конфликта, — закономерен ли он или является результатом случайного совпадения событий, которое привело к тому, что международный скандал был вызван именно «карикатурами на пророка Мухаммеда», а не иными обстоятельствами.

Больше всего я хотел понять, как мне следует относиться к критике в адрес газеты «Юлландс-Постен» и меня самого. За последние пять лет мне пришлось проделать длинный путь, и в прямом, и в переносном смысле. Я обсуждал касавшиеся скандала события со своими соотечественниками как левых, так и правых политических взглядов, с мусульманами и христианами, с европейцами и американцами, с представителями народов Ближнего Востока и Азии, с друзьями и врагами, с верующими и атеистами... Оказалось, что взгляды моих собеседников не всегда напрямую зависели от их политических предпочтений, культурно-религиозных особенностей и мест проживания, как этого можно было ожидать. Я не хочу сказать, что большинство мусульман приняли мою сторону. Тем не менее часть из них поддержали публикацию «карикатур», в то время как многие христиане и атеисты осудили наши действия, требуя запретить рисунки. Дискуссия приобрела колоссальный размах и затронула фундаментальные проблемы, характерные для любой страны, несмотря на то что эти «карикатуры» в первую очередь имели отношение к обществу датскому и европейскому.

Последние пять лет я много читал и слушал, чтобы расширить свой кругозор и составить более глубокое представление о темах, поднимавшихся в ходе дискуссии о «карикатурах»: сво-

бода слова и свобода вероисповедания, толерантность и нетерпимость, иммиграция и интеграция, большинство и меньшинство, — и это только часть из них. Изучать все эти вопросы — познавательное занятие, но по правде говоря, порой я бывал подавлен и разочарован. А что поделаешь, когда приходится давать отпор оппонентам со всего мира, и у каждого — твердое мнение насчет твоих слов и поступков? Когда видишь, что из одного непонимания рождается другое и весь мир, чувства которого ты каким-то образом задел, буквально кипит от возмущения? Когда коллеги спрашивают, как можешь ты спокойно спать, осознавая, что на твоей совести сотни погибших? Когда тебя обвиняют в расизме и фашизме, а также в намерении развязать третью, а то и четвертую мировую войну?

Задумав написать эту книгу, я намеревался разом покончить со всеми аргументами моих оппонентов, проявлениями непонимания и фактами искажения моих слов. Я собрал огромный архив различных материалов с комментариями, интерпретациями и мнениями о «карикатурах на пророка Мухаммеда» и хотел документально подтвердить свою правоту и ошибки других. Последние пять лет я в основном занимался «культурной войной». Я уважаю дискуссии, ценю их и потому собираюсь и впредь поднимать темы, которые люди хотят обсудить или просто узнать мою точку зрения. В то же время мне просто необходимо заглянуть внутрь себя, подумать о своей личной истории, о том, что мной двигало. Почему эта дискуссия так важна для меня, почему я с самого начала почти интуитивно определил суть вопроса, обращая гораздо меньше внимания на прочие аспекты?

Меня и в молодости интересовала связь между так называемыми малой историей и большой историей, между мотивами поведения индивида, его стилем жизни и позицией в серьезных общественно-политических вопросах. Собственно, мой интерес подогревался желанием достичь некой интеллектуальной честности через осознание того, что все истории начинаются и завершаются отдельными личностями, их выбором и решениями. Я полагал, что должен привести в соответствие свои мысли, позицию по тем или иным вопросам и тот образ жизни, который

---

веду. То, что я говорю и делаю для себя, и свои взгляды и мнения, выраженные публично. Честно признаюсь, удавалось это не всегда.

В 2009 году Салман Рушди<sup>1</sup>, давая мне интервью, затронул вопрос, ответ на который я искал в связи с карикатурным скандалом. Меня всегда волновало, когда другие рассказывали мою историю и интерпретировали мотивы моих поступков, не зная всего, что за ними стоит. Я воспринимал это как нарушение своих прав, хотя и осознал: дело обрело такой размах, что начало жить собственной жизнью. Мнение людей о карикатурном скандале зависело в основном от их симпатий и антипатий, на факты внимания почти не обращали. И все же мне было неприятно, что другие рассказывают чужую историю, не давая человеку самому выступить в свое оправдание. Осенью 2008 года я посмотрел телепередачу, в которой Рушди говорил об экзистенциальной сущности человека как «рассказывающего историю», объясняя важность борьбы за право рассказать свою историю. В ходе нашей беседы я предложил ему развить эту мысль.

По мнению Рушди, все мы с молодых ногтей в течение всей жизни используем различные истории о себе, чтобы лучше понять и точнее определить, кто мы есть. Данный феномен — следствие так называемого языкового инстинкта, составляющего неотъемлемую часть человеческой природы. Поэтому любые попытки ограничить его проявление — это не просто цензура или нарушение права на свободу слова, а насилие над нашей природой, вмешательство экзистенциального масштаба, которое, по словам Рушди, превращает людей в то, чем они не являются. Свободное общество отличается от несвободного тем, что в первом можно беспрепятственно рассказывать и пересказывать свои и чужие истории, обсуждать их, выражая свое одобрение или неодобрение. Обсуждение никогда не заканчивается, и в его ходе можно корректировать свою точку зрения. С появ-

---

<sup>1</sup> Британский писатель индийского происхождения, роман которого «Сатанинские стихи» вызвал яростный протест в мусульманском мире. — *Примеч. ред.*



лением новых знаний происходит переустройство общества и его институтов на новый лад, начинают рассказываться и другие истории. Так произошло с рабством в США, нацизмом в Германии и коммунизмом в странах Восточного блока.

И полная противоположность — в закрытых и несвободных обществах. Здесь человек лишен права рассказывать свою или чужую историю. Вместо этого государство диктует населению, какой истории следует придерживаться. Люди лишены гражданских прав и фактически низведены до положения молчаливых и пассивных объектов. Государство владеет монополией на историю, преследуя каждого, кто оспорит официальную версию событий. Любые попытки критиковать диктатуру за подавление личности и нарушение гражданских прав, в том числе права писать свою историю, пресекаются цензурой или просто отменяются. Авторитарные режимы крадут историю у своих граждан, будучи в принципе неспособными предоставить людям право говорить о себе и других то, что они хотят.

В демократическом обществе, напротив, никто не имеет эксклюзивного морального, религиозного или политического права на строго определенные истории. То есть мусульмане имеют право рассказывать байки и делать критические замечания об иудеях, в то время как «неверные» могут подшучивать над исламом так, как им вздумается. Датчане могут иронизировать над шведами и норвежцами, «белые» — высмеивать «черных», «черные» мужчины — шутить о «белых» женщинах.

Нет ничего предосудительного в том, что многие критически относятся к национальным меньшинствам, у которых принято женское обрезание и девушки рискуют быть убитыми, если навлекут позор на свой клан; где браки по принуждению и полигамия являются частью культуры. Утверждение о том, что высмеивание и критика меньшинства является его привилегией, не только дискриминационно по сути, но и просто глупо звучит. В качестве примера возможных негативных последствий такого подхода можно привести эксклюзивное право нацистов критиковать самих себя, поскольку в сегодняшней Европе они относятся к выключенному из общественной жизни и преследуемому меньшинству. По той же логике, в России общественное

порицание коммунистов стало бы возможным лишь после октября 1917 года, когда в результате переворота они захватили власть, а в 1901 году общественности следовало бы воздерживаться от критики в их адрес, так как тогда они были преследуемым меньшинством.

Такая логика опасна: она помогает возводить барьеры между социальными группами, стиль жизни и нравственные ценности которых различны, тем самым разобщая их, препятствуя межкультурному и межрелигиозному взаимодействию граждан. В демократическом обществе важно, чтобы народы не оказывались в замкнутом пространстве, еще больше обособляющем жизненные позиции людей со схожим менталитетом. Важно, чтобы социальные группы не прекращали диалог, чтобы они имели возможность рассматривать друг друга через призму собственного мировосприятия, особенно если их взгляды различаются или вовсе противоположны. Народы, которые общаются между собой, обмениваются мнениями и рассказывают истории, некоторое время спустя начинают влиять на мышление друг друга. И тогда уже труднее считать противоположную сторону врагом, извращенцем или безумцем — если только та сторона действительно таковой не является. Главное при этом — не кто и что сказал, а то, что высказывания открыты для дискуссии, легких и грубых насмешек, серьезной или несерьезной критики. Имеют значение лишь аргументы, а не цвет кожи, религия или политические симпатии.

О борьбе за право рассказывать историю Рушди сказал: «Этот вопрос всегда был основным в дискуссии о свободе слова и о том, каким образом следует рассказывать историю. Именно он стоит за нападками на „Сатанинские стихи“, так же как и за другими попытками ограничить свободу слова. Единственный ответ занимаемой мной в данном споре стороны подразумевает, что каждый человек имеет право рассказывать историю и делать это именно так, как считает нужным. Все зависит от того, в каком обществе мы хотим жить. В открытом обществе люди будут говорить на любые темы по-разному, вызывая порой недовольство и раздражение. Поэтому ответ однозначный: „Да, тебе это не нравится, но я тоже многое не одобряю“. Тако-

ва цена, которую приходится платить за жизнь в открытом обществе. Когда же начинаются разговоры о возможном контроле над некоторыми высказываниями и введении каких-либо ограничений, в мире перестает править свобода, с этого момента остается только обсуждать ту степень зависимости, с которой соглашаешься. При этом сам принцип несвободы уже принят».

Слова Рушди пришлись как нельзя кстати. Они словно открыли мне глаза и подтолкнули к реализации собственного замысла. Безусловно, у других есть право рассказывать свою историю о «карикатурах на пророка Мухаммеда», как им заблагорассудится, но ведь и я могу рассказать свою историю. Поэтому моя книга — не история о «карикатурах на пророка Мухаммеда» и не попытка охватить все стороны самого скандала и последующей дискуссии. Наверняка есть и другие версии, не менее правдивые, чем моя, и скорее всего, более полные. Я никоим образом не претендую на объективность. Единственная моя цель — поведать свою историю, рассказать о своем личном восприятии событий и эпизодов, которые я сочту нужным упомянуть. Я старался установить взаимосвязь между различными обстоятельствами и сформировать собственное мнение о событии, будоражащем мою жизнь и жизнь датского общества последние пять лет. Поэтому в книге я также рассказываю о своих ценностях и об ассоциациях с прошлым, навеванных карикатурным скандалом, о важных для меня отношениях, о повлиявших на меня встречах, о книгах, которые я прочитал, и странах, которые посетил. Это также попытка установить связь малой и большой историй, моей личной истории и карикатурного скандала как внутридатского события, которое приобрело мировой размах. На стыке малой и большой историй и отыскивается объяснение ранее упомянутого противоречия между моим восприятием себя как не особо конфликтного человека и мнением мировой общественности обо мне как об опасном и безответственном «возмутителе спокойствия». Поэтому в ходе повествования я заостряю внимание на процессе становления моих взглядов и полученном опыте, сформировавшем меня как личность. Я также постараюсь проанализиро-

вать недавнее прошлое времен холодной войны, как ее непосредственный очевидец, и отдельные события европейской истории, которые представляются мне важными. Например, я собираюсь подробно рассмотреть религиозный раскол в Европе XVI века как результат Реформации — протестантского бунта против католической церкви, а также более позднюю дискуссию о сомнении и вере, знании и невежестве, в ходе которой родилось представление о терпимости — толерантности, а следствием стала эпоха Просвещения XVIII века.

*Какую позицию занимаю в «деле о рисунках» я сам, на чем основываются мои политические ценности?*

Разумеется, на меня сильно повлияли такие социально-политические процессы в Дании 1960—1970-х, как массовые протесты молодежи, ее борьба против авторитарных тенденций в обществе, а также типичные для того времени мечты о либерализации и партнерстве. Но решающую роль в формировании моего мировоззрения сыграли знакомство с СССР в 1980 году, брак с советской гражданкой и изучение правозащитного движения в Советском Союзе. Полученный за железным занавесом опыт укрепил меня в главном убеждении — что у людей гораздо больше общего, нежели разделяющего их частного, хотя культурные, религиозные и исторические различия, казалось бы, свидетельствуют об обратном.

Это, однако, не означает, что нужно сбросить со счетов культуру и историю. И то и другое всерьез влияет (как положительно, так и отрицательно) на структуру и функционирование общества. Одни культуры придают большее значение свободе личности, другие ратуют за приверженность коллективу. Культура и история зачастую играют весомую роль в конфликтах, их могут использовать, чтобы оправдать подавление прав личности, но при этом они не являются вечными и неизменными величинами. Культуры хотя и медленно, но меняются. Вспомните такие страны, как Испания, Греция, Португалия, где еще несколько десятилетий назад господствовал авторитарный режим, где военная хунта сумела захватить власть, инакомыслящие томились в тюрьмах, а женщина не располагала равными правами с мужчиной. Сейчас все они — члены ЕС. Или вспом-

ните Южную Корею и Чили, где во времена диктатуры политическая оппозиция жестко подавлялась действовавшим режимом. Сегодня это правовые государства с открытым обществом. Эти примеры призывают нас быть осторожнее в оценках, когда под воздействием имеющихся стереотипов мы попытаемся охарактеризовать какую-либо культуру как «несовместимую с демократией и свободой».

Развернувшаяся в наше время дискуссия об исламе и мусульманах напоминает мне споры о коммунизме и русских в СССР времен холодной войны. Раньше было принято считать, что на Западе больше внимания уделяется политическим и гражданским правам, в то время как по другую сторону железного занавеса возобладали права социальные — на работу, жилище, бесплатную медицину и образование, и потому представители западного империализма критиковали Восточный блок за нарушение прав и свобод личности. Похожее намерение достичь компромисса между фундаментальными правами и гендерным равенством отмечается и в более поздней дискуссии о мультикультурализме в западном мире, а также в споре о «карикатурах на пророка Мухаммеда», хотя это намерение не всегда четко формулируется.

Во времена холодной войны Советский Союз считался «врагом свободы». Коммунизм воспринимался как враждебная человеку идеология, политические системы Запада и Востока неизменно противопоставлялись друг другу, однако мне казалось, что мои друзья и знакомые среди русских в СССР искали именно той свободы и того равенства перед законом, которые вытекали из существующих во всем мире представлений о правах человека. И все же на Западе бытовало мнение, что у русских есть особый ген, ответственный за стремление к подавлению личности, и что они не приспособлены к жизни в демократическом обществе, где уважаются права и свободы каждого гражданина.

То же самое относилось к так называемой школе самосознания в советской науке, которая отстаивала и всячески продвигала тезис о необходимости описывать и анализировать

СССР исходя из его уникальных исходных условий. Одним из последствий стало согласие общества с подавлением прав и свобод личности, поскольку русские якобы устроены иначе, чем народы западных стран, и поэтому политику Советского Союза в отношении своих граждан нельзя мерить по западной мерке. В результате многие даже представить не могли, чтобы режим пал вследствие народного восстания, однако оно в конце концов произошло. Чтобы хоть как-то привести свои теоретические выкладки в соответствие с реальностью, «школе самопонимания» пришлось полностью исключить из общественной жизни советское правозащитное движение и прочих диссидентов. Критиков системы называли «прислужниками Запада», утверждали, что их нельзя принимать всерьез и что они позволили втянуть себя в большую политическую игру Запада против Востока. То же самое в начале XXI века говорят о борцах за права человека и критиках ислама в мусульманском мире. Но истина в том, что перемены не наступят, пока люди не смогут свободно говорить то, что думают, без страха перед репрессиями.

Начиная с правления Михаила Горбачева Кремль принялся пропагандировать многое из того, что раньше запрещалось и подвергалось порицанию, и многие бывшие критики системы приняли участие в работе над новыми российскими законами, призванными гарантировать фундаментальные права граждан. Не знаю, произойдет ли то же самое в исламском мире, но значительная часть населения Ирана в 2009 и 2010 годах оказалась не готова принять «исламскую» версию прав человека, а многие иранцы, проживающие на Западе, поддержали меня и «Юл-ландс-Постен» во время карикатурного скандала. Они на собственном опыте узнали, какую цену приходится платить, согласившись с необходимостью цензуры для критики различных вероисповеданий и сатиры на религиозные темы.

Карикатурный скандал продемонстрировал, каким может быть мир в XXI веке, и поднял вопрос о том, как будут уживаться разные народы, если разделяющие их границы ослабнут или исчезнут совсем.

Во-первых, сейчас у огромного количества людей есть возможность путешествовать, то есть общество повсеместно становится все более мультинациональным, мультикультурным и мультирелигиозным. Люди все чаще вступают в контакт друг с другом, пересекая физические и духовные границы. Впервые за всю историю большая часть населения планеты проживает в городах, где соседи очень сильно отличаются друг от друга. Повсеместно царит многообразие. При этом у этнических, религиозных и культурных групп сохраняются разные нормы поведения, нравственные ценности, запреты, святыни и обычаи. Они по-разному определяют то, что является нарушением их прав, и то, что считается хорошим тоном. В связи с этим возросла вероятность «наступить кому-то на мозоль», то есть сказать или сделать что-либо неподобающее. Со временем эта тенденция лишь усилится. Люди будут перемещаться из одних частей мира и культур в другие по экономическим, религиозным или политическим причинам, в связи с изменением климата или желанием совершить турпоездку. Мир становится все теснее.

Во-вторых, развитие современных средств коммуникации привело к тому, что любое событие даже в самом отдаленном уголке земного шара воспринимается так, будто оно произошло совсем рядом, и потому вызывает реакцию людей независимо от их местоположения. Еще несколько десятилетий назад человек, проживающий в какой-нибудь деревне в Азии, Африке или Южной Америке, за всю свою жизнь пересекался лишь с парой сотен соотечественников, не зная о том, что происходит в пятидесяти километрах от него. Сегодня он узнаёт о событиях, разворачивающихся в пяти тысячах километрах от его деревни, и даже не умея читать и писать, незамедлительно реагирует на поток политических новостей. Подобное «загрязнение расстояния», как назвал это явление один французский теоретик-культуролог, чревато «утратой контекста», то есть искажаются не только реальные географические пропорции, например расстояние в пять тысяч километров между Копенгагеном и Кабулом, но и культурные — дистанция между отдельной цивилизацией и мировым сообществом. Когда событие начинает гулять

по всему свету, все границы постепенно стираются. Попав в Интернет, любая информация становится достоянием мировой общественности. Таких понятий, как «здесь» и «там», больше не существует.

Этот феномен напрямую связан с юмором и сатирой религиозной направленности, поскольку они в значительной степени зависят от контекста. Что же с ними происходит, когда контекст растворяется в пространстве? Ирония или шутка легко может превратиться в нечто взрывоопасное, поскольку в отсутствие контекста, на почве недопонимания, у отдельного человека или народа может возникнуть ощущение, что нарушены его права. Именно поэтому в 2006 году Иран требовал от немецкой газеты «Тагесшпигель» извинений за опубликованный ею сатирический рисунок: четверо иранских футболистов, обмотанных взрывчаткой, а рядом — столько же солдат бундесвера. Надпись гласила: «Вот зачем на чемпионате мира немецкая армия!» Это была сатира на немецких политиков, предлагавших обеспечивать безопасность во время чемпионата мира по футболу, проходившего в тот год в Германии, с помощью национальных вооруженных сил. Но теократическое руководство Ирана восприняло ее иначе. Кончилось тем, что в немецкое посольство в Тегеране были брошены несколько бутылок с зажигательной смесью, а художнику, получившему письма с угрозами, пришлось сменить адрес. Другая немецкая газета поместила карикатуру на некоторые особенности порядка престолонаследия в Японии, что совершенно немыслимо для японцев, многие из которых испытывают к императорской семье почти религиозные чувства. В Германии же к этому относятся спокойно — здесь никого не может задеть глуповатая шутка о наследовании престола.

В ряде случаев юмористы прекрасно понимают опасность провокации. Так, весной 2006 года норвежский комик Отто Есперсен сжег Ветхий Завет перед включенными камерами. Все это происходило в исконно христианском городе Олесунн. Когда позже Есперсену предложили проделать то же самое с Кораном, он отказался, объяснив свое решение «желанием прожить чуть дольше, чем до конца следующей недели». Гово-



рит ли этот случай об особом отношении норвежского общества к христианству или к исламу? Во всяком случае, премьер-министр Норвегии никогда не критиковал публичное сожжение священной для христиан книги, и я к этому отношусь нормально. Но почему двумя месяцами ранее он счел своим долгом осудить публикацию «карикатур на пророка Мухаммеда» в одной небольшой норвежской газете?

Теперь я твердо знаю почему, но в сентябре 2005 года мне еще только предстояло ответить на этот вопрос. И мы с «Юл-ландс-Постен» решили обратить внимание на самоцензуру в связи с особым отношением общества к исламу.

В отношении возможных ограничений свободы слова в мире, становящемся все более многообразным, есть два противоположных подхода. Сегодня границы того, что нарушает наши личные и коллективные права, все больше отличаются от прежних, когда мы чтити совершенно разные святыни и каждая социальная группа имела собственные табу. В этих условиях первый подход предполагает полное прекращение любых вербальных оскорблений в соответствии с принципом «Если ты принимаешь мои запреты, то я принимаю твои». Если какая-либо социальная группа хочет защитить свои чувства от посягательств других, то аналогичные права должны быть предоставлены и всем остальным. Запретив отрицание Холокоста или преступлений коммунистов, точно так же надо ввести санкции за публикацию карикатур на исламского пророка. И так без конца. В результате у нас будет слишком много того, о чем нельзя говорить.

Второй подход основан на постулате: «В демократическом обществе никто не застрахован от критики, и поскольку мы все разные, нам нужен минимум ограничений свободы слова — только то, что абсолютно необходимо для поддержания мира в обществе». Общество со множеством культур, религий и этносов требует большего многообразия мнений и взглядов, нежели страна с однородным населением. Это кажется очевидным, но сложившуюся обратную ситуацию почему-то полагают случайной. Но именно здесь кроется так называемая тирания мол-

чания. Сегодня в Европе принято ограничивать свободу слова, чтобы справиться с растущим многообразием, в то время как США давно избрали другой путь. В Европе большинство законов о юридической ответственности за отрицание Холокоста приняты после падения Берлинской стены. Некоторые факты говорят о том, что США с их традицией практически полной свободы слова все чаще будут оказываться в одиночестве. Это плохо для Европы, которой, мне кажется, есть чему поучиться у своего заокеанского друга.

Свобода и толерантность находятся под давлением. Как уже говорилось, сегодня мировые средства коммуникации стремительно развиваются, а люди пересекают культурные, религиозные и национальные границы с небывалой частотой и скоростью. Никогда прежде так много культур и религий с такими разными историями, запретами и догматами не оказывались в столь тесном соседстве. Никогда прежде такому многообразию не приходилось подстраиваться под одинаковые для всех законы. В этом новом мире с его новыми условиями человечеству необходимо заново обрести и усвоить такие ценности, как свобода и толерантность. Что означает «быть толерантным» в мультикультурном, мультиэтническом и мультирелигиозном обществе? Насколько далеко простираются границы свободы слова в обществе, где не у всех ценности одинаковы?

В мире, где царит многообразие, трудно предугадать, как твои высказывания будут восприняты другими. Деятели культуры — писателям, редакторам, издателям, музейным работникам, художникам, газетным иллюстраторам, режиссерам, актерам и юмористам — непросто определить, что именно может вызвать негативную реакцию общественности, а что можно публиковать, не привлекая к себе нездорового внимания. В мультирелигиозном обществе многие стали чрезмерно ранимыми. Почему бы государственным руководителям не направить имеющиеся ресурсы, скажем, на организацию «курсов развития невосприимчивости», вместо того чтобы приучать людей к восприимчивости и молчанию, чтобы кого-либо не задеть? Ведь чтобы свобода и толерантность получили шанс на выжи-

вание, всем нам потребуется более «толстая кожа». Сегодня очень легко почувствовать себя уязвленным, хотели тебя обидеть или нет, и все чаще недопустимость нарушения прав других служит аргументом, когда нужно заткнуть рот тем, с кем ты не согласен.

Разумный вопрос: как может отразиться на праве граждан свободно выражать свои мысли и чувства данная тенденция?

Режимы, подавляющие личность, пытаются использовать ее в своих целях, предлагая в ООН и на других международных форумах ввести уголовное преследование за оскорбительные высказывания. Это позволило бы им пресекать любую критику и начать преследования меньшинств. К сожалению, многие политики и граждане свободного мира, столкнувшись с растущим многообразием и опасностью кого-либо нечаянно оскорбить, склонны одобрить новые ограничения свободы слова. Чтобы обеспечить этническое, культурное и религиозное разнообразие, они готовы пожертвовать многообразием взглядов и мнений — парадокс, иронию которого они не замечают. Они полагают, что их действия позволят гарантировать мир и толерантность (терпимость) в обществе, в чем лично я сильно сомневаюсь. Потому что по-другому соотношу свободу слова и толерантность. Эти два понятия трактуют как несовместимые, полагая, что одно из них противостоит другому. Говорят, что их нужно уравновесить.

Я же считаю, что свобода и толерантность — две стороны одной медали. Свобода слова работает, только если общество толерантно к широкому спектру высказываний, не обращая на них особого внимания. Толерантность теряет смысл, если свобода выражать свое мнение жестко ограничена. С исторической точки зрения свобода слова способствует развитию толерантности, и наоборот, и никакого противоречия здесь нет. В либерально-демократическом обществе они должны быть тесно связаны. Чем больше в каком-то обществе противопоставляются толерантность и свобода слова, тем меньше у него оснований называться «либерально-демократическим».

В этой книге девять глав. Три из них — о людях, у которых я брал интервью. Они так или иначе оказались вовлечены

в карикатурный скандал, и каждый по-своему излагает его существенные аспекты. В следующей главе я расскажу о гражданке Испании, муж которой погиб во время теракта в Мадриде в марте 2004 года. О том, как она явилась на судебное заседание по указанному делу в футболке с известным рисунком Курта Вестергора, где исламский пророк изображен с бомбой в тюрбане. В главе «Отвратительная способность человека приспособливаться» я беседую с Куртом Вестергором о его взглядах и особенностях, благодаря которым они формировались, о его работе. Я решил показать его жизнь в исторической взаимосвязи с развитием цензуры в Дании, уделив внимание деятельности Поуля Хеннингсена — известного датского общественно-политического деятеля, придерживавшегося радикальных культурных взглядов по защите свободы слова в годы перед началом и после окончания Второй мировой войны. В главе «Дорога к Богу» приводится интервью с Каримом Серенсенем — молодым тунисцем, арестованным в феврале 2008 года по подозрению в подготовке убийства Курта Вестергора. Карим Серенсен и двое его знакомых мусульман считали себя оскорбленными изображением пророка Мухаммеда с бомбой в тюрбане.

В трех главах (третьей, шестой и седьмой) я привожу свою версию карикатурного скандала. Это мой рассказ о том, что происходило до и после публикации «карикатур» в сентябре 2005 года. О чем я думал, каковы были мои мотивы и моя реакция, чему я научился, что узнал о вопросах, поднятых в связи со скандалом, и о самом себе.

В связи с этим я хотел бы подробнее рассмотреть существующие в настоящее время ограничения свободы слова, которые отражаются в законах о богохульстве, карающих за оскорбление других религиозных конфессий, в разжигании межнациональной розни, дискриминации по национальному или религиозному признаку, а также в отрицании Холокоста и преступлений коммунистического режима. Я знаю, что есть и другие, не менее серьезные угрозы свободе слова, но хочу обратить внимание именно на те, которые «дело о рисунках» вывело на первый план.